

Сюй Сицзин понимал, что все его размышления бесполезны. Цинь Цзэюань не дал ему ни малейшего шанса выйти из дома, и он по-прежнему оставался запертым в родовой усадьбе семьи Цинь. Бежать он не решался — каждый слуга, стражник и садовник здесь были преданны Цинь Цзэюаню. Они жили благодаря ему и не собирались менять своё отношение из-за участи Сюй Сицзина. Несколько лет назад они были свидетелями того, как Цинь Цзэюань издевался над ним, и теперь, спустя годы, несколько дней заточения не вызвали у них ни малейшего сочувствия.

С тех пор как его здоровье пошло на поправку и он смог свободно вставать с постели, вещи в комнате начали исчезать одна за другой, пока не остались только большая кровать и телевизор, безмолвно смотрящие друг на друга. Сюй Сицзин поначалу вёл счёт дням, боясь потерять ощущение времени. Но дни тянулись, сменяя друг друга, и в конце концов он сам перестал понимать, сколько прошло.

Раньше по телевизору иногда передавали новости о Сюй Сицзине, но постепенно и они сошли на нет. Имя Сюй Сицзина, как и сам человек, пропало из поля зрения на целых полмесяца, словно камень, упавший на дно, — без всплеска, без волн.

Цинь Цзэюань установил в комнате камеры, чтобы в любой момент знать, где находится Сюй Сицзин. Тот хоть и ел, и спал по распорядку, но худел на глазах, словно пижама болталась на костлявом каркасе.

Врача снова вызвали, но тот не нашёл никакой причины.

Цинь Цзэюань насторожился и как-то ночью проверил записи с камер. Он увидел, что Сюй Сицзин, обычно ложившийся спать рано, бродил по комнате, словно неприкаянный дух. Комната была пуста, свет выключен, лишь телевизор излучал призрачное синее свечение. Сюй Сицзин выглядел крайне взволнованным: ходил кругами, пока шаги не стали заплетаться, и лишь тогда медленно поплёлся к кровати.

Цинь Цзэюань смотрел, как Сюй Сицзин спокойно ложится спать, будто ничего и не было, и это зрелище почему-то усилило его беспокойство.

Сюй Сицзин спал мало ночью, но просыпался рано. Когда Цинь Цзэюань вошёл в комнату, тот сидел на кровати, уставившись в пустоту.

Цинь Цзэюань подошёл, приподнял его подбородок. Чёлка отросла и закрывала глаза. Он откинул волосы и пристально взглянул в лицо Сюй Сицзину.

Тот не выдержал такого взгляда и быстро сдался, слегка дёрнувшись, уткнулся лицом в грудь Цинь Цзэюаня.

Сюй Сицзин редко проявлял такую инициативу. Цинь Цзэюань вытащил его из своих объятий и спросил:

— Чего ты хочешь?

Спрашивать, впрочем, было излишне — намерения Сюй Сицзина и так были очевидны. Тот потянулся вперёд и коснулся губами губ Цинь Цзэюаня.

Цинь Цзэюань подхватил его на руки и отнёс в свою спальню.

Комната Цинь Цзэюаня вызывала у Сюй Сицзина не самые приятные воспоминания. Он всякий

раз вспоминал тот день, когда ему было шестнадцать, и множество других моментов, когда Цинь Цзэюань причинял ему боль в этих стенах. Он закрыл глаза, обнял Цинь Цзэюаня за талию и прошептал на ухо:

— Я не хочу здесь.

— А где же ты хочешь? — спросил Цинь Цзэюань.

Сюй Сицзин огляделся. Из комнаты Цинь Цзэюаня был выход на балкон — полузакрытый, с низкой стеклянной оградой. Естественно, он не хотел заниматься этим на почти что публичном балконе, поэтому тихо пробормотал:

— Всё-таки здесь.

Цинь Цзэюань снова поцеловал его.

— Будь послушным, и тебе будет хорошо.

Сюй Сицзин быстро оказался раздетым. Несмотря на то что он сильно похудел, шрамы на теле зажили, и он снова выглядел соблазнительно — белый, нежный, беспомощный на простынях.

Цинь Цзэюань приподнял его и велел раздеть себя. На нём была рубашка, застёгнутая на все пуговицы. Сюй Сицзин послушно расстёгивал их одну за другой, пока Цинь Цзэюань, обнимая его за талию, не начал отвлекать.

Цинь Цзэюань ущипнул его за ягодицы и прошептал на ухо:

— Так похудел, а здесь всё такой же мягкий.

От его прикосновений Сюй Сицзин ослабел, перестал возиться с пуговицами и обвил руками шею Цинь Цзэюаня, тихо постанывая. Цинь Цзэюань шлёпнул его по ягодицам.

— Ещё не раздета, будь серьёзней. Не капризничай.

Но, говоря это, он провёл пальцами к самому входу, начав ласкать. Сюй Сицзин испугался, что Цинь Цзэюань снова войдёт в него без подготовки, и схватил его за руку.

— Господин, я... я сам.

Цинь Цзэюань убрал руку, достал из ящика смазку и передал её Сюй Сицзину. Тот, помня о прошлой боли, выдавил себе на ладонь щедрую порцию, затем лёг на живот, нанёс смазку и осторожно ввёл палец.

Сюй Сицзин двигался очень медленно, а Цинь Цзэюань терпеливо наблюдал, как тот сам себя готовит. Смазки было много, задний проход стал влажным, и при каждом движении пальца раздавался липкий, неприличный звук.

Когда три пальца уже свободно входили и выходили, Сюй Сицзин наконец обернулся и сказал:

— Господин, готово.

Глаза его блестели, но от тупой боли, вызванной растяжением, навернулись слёзы, которые он с трудом сдерживал.

Цинь Цзэюань стоял у кровати, снял ремень и связал им руки Сюй Сицзина. Тот попытался сопротивляться, но Цинь Цзэюань прижал его руки, дотронулся до своего члена и сказал:

— И здесь тоже.

Сюй Сицзин с трудом попытался нанести смазку рукой, но Цинь Цзэюань снова остановил его:

— Ртом.

Сюй Сицзину пришлось наклониться и взять его в рот. Глотать было невыносимо трудно — он был слишком толстым и длинным. После нескольких движений нёбо загорелось от трения.

Но Цинь Цзэюань наконец сжалился и похлопал его по щеке. Сюй Сицзин посмотрел на него, покорно выпустил член, затем повернулся и лёг на живот.

Цинь Цзэюань вонзился в него до конца одним движением. Сюй Сицзин тут же всхлипнул, а его собственный член мгновенно встал. Цинь Цзэюань наклонился, взял его в руку, сжал и спросил:

— Тебе так приятно?

Сюй Сицзин, боясь не угодить, закивал что есть сил. Цинь Цзэюань тихо усмехнулся, начал медленно двигаться и приказал:

— Стони. И чтобы красиво.

Сюй Сицзин не знал, как стонать красиво, поэтому просто постанывал. Цинь Цзэюань не сдержал смешка и резко толкнул его:

— Дурачок.

Сюй Сицзин, понимая, что не справляется, начал усиленно сжиматься внутри, надеясь, что Цинь Цзэюань перестанет его мучить. Но его уловку сразу раскусили. Цинь Цзэюань поднял его, как ребёнка, и вынес на балкон.

Он всё ещё был внутри, и с каждым шагом Сюй Сицзин невольно вздрагивал и постанывал. Цинь Цзэюань поставил его себе на ступни, прижал его руки к стеклянной ограде и начал двигаться.

Сюй Сицзин боялся, что его увидят или услышат, и от этого его стоны становились ещё более жалкими и соблазнительными. Цинь Цзэюань одной рукой обхватил его член, на кончике уже выступила прозрачная жидкость.

— Какая же ты развратная, — усмехнулся он.

Сюй Сицзин покраснел до ушей, пытаясь повернуться и приласкаться, но Цинь Цзэюань, не вынося такого вида, шлёпнул его по ягодицам и велел повернуться обратно.

— Сяо Цзин, а кончить только от этого сможешь? — спросил он.

Сюй Сицзин, задыхаясь от частых толчков, только мотал головой:

— Нет... не могу, господин... слишком... слишком быстро...

Цинь Цзэюань отпустил его член и ущипнул за сосок.

— А вдруг получится?

Сюй Сицзин вздрогнул всем телом, а Цинь Цзэюань воспользовался моментом и ускорился. Чувствуя, что тот уже на грани, он прошептал:

— Сяо Цзин, внизу кто-то смотрит.

Сюй Сицзин, испугавшись, действительно кончил, сперма брызнула на стекло, оставив липкие следы. Цинь Цзэюань крепче прижал его к себе, сделал несколько яростных, быстрых толчков и тоже излился внутрь.

Сюй Сицзин, ещё не оправившись, оказался на балконе, где дул холодный осенний ветер. Кончив, Цинь Цзэюань вышел из него, отнёс в ванную, уложил в горячую воду и велел слугам приготовить имбирный отвар.

<http://bllate.org/book/16267/1463764>